

© 2000 г. Л.П. КРЫСИН

СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ¹

Социальная обусловленность языка, давно ставшая аксиомой лингвистики, выражается в разных формах – в социальной дифференциации национальных языков, в предпочтении разными социальными группами тех или иных выразительных средств, предоставляемых языковой системой (например, в неодинаковой употребительности вариантов представителями разных возрастных, профессиональных, образовательных и др. групп), в том, что определенные языковые средства приобретают функции социальных символов – маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде, и т.п.

Если говорить о социальной обусловленности использования языковых средств, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что эта обусловленность проявляется не на всем пространстве языка, а лишь на некоторых участках его системы. Это утверждение можно рассматривать как перифразу известного положения о том, что не все уровни языковой структуры в равной степени проницаемы для социального воздействия: наиболее проницаема лексика и фразеология, в наименьшей степени – морфология, фонемный состав языка (об этом писал еще Е.Д. Поливанов; подробный анализ различий в социальном воздействии на разные уровни языковой структуры содержится в работе [РЯиСО 1968]).

Однако и на каждом уровне языка социальное влияние избирательно: ему подвержены лишь определенные участки, те или иные группы единиц и даже отдельные единицы, в то время как другие участки и группы единиц остаются относительно устойчивы к социальному воздействию.

В данной статье делается попытка проиллюстрировать избирательный характер социальной обусловленности языка фактами, которые касаются (1) фонетических и (2) акцентных явлений, (3) словоизменительных форм, (4) словообразовательных моделей (и отдельных образований), (5) синтаксических конструкций и (6) лексических значений.

Поскольку в центре внимания – социальная маркированность языковых единиц, характер их соотнесения с теми или иными социальными слоями и группами (а не, скажем, их лингвистические свойства), то выбор фактов, иллюстрирующих это соотнесение, более или менее произволен.

1. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

1.1. В области **консонантизма** одной из ярких черт современного ненормативного (с точки зрения литературного языка) произношения являются [γ] фрикативный и его глухой позиционный коррелят [x]: *сне́[γ]а–сне[x]*, *но[γ]á–со всех но[x]* и т.п. Тради-

¹ Статья написана на основании доклада, прочитанного автором на заседании Ученого совета Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН 18 ноября 1999 года. И статья, и доклад выполнены в рамках проекта № 97-04-06153 "Социальная дифференциация современного русского языка: проблемы изучения", финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

ционно эта черта произношения рассматривается как результат влияния южнорусских говоров, однако она характеризует говорящих не только по территориальному признаку (так говорят многие выходцы из южных областей европейской части России), но и по социальным – например, по уровню образования, по принадлежности к тем или иным профессиональным группам, по возрасту и полу, по степени социальной мобильности и некоторым другим.

Так, с повышением уровня образования увеличивается вероятность вытеснения фрикативного его литературным вариантом [г] взрывным (среди выходцев с юга России, имеющих высшее образование, процент "ўкающих" меньше, чем среди тех, кто имеет среднее образование, хотя не последнюю роль здесь играют психологические факторы – самоконтроль говорящим своей речи, ее ситуативная приуроченность и т.п.). "Гуманитарии" успешнее избавляются от [γ] фрикативного, чем представители технической интеллигенции.

В политических кругах наблюдается эффект подражания лидеру: например, в то время, когда у власти находился М.С. Горбачев, речь которого характеризуется последовательным произношением фрикативного [γ], среди лиц, так или иначе приближенных к власти, было немало тех, кто не ощущал необходимости избавляться от этой ненормативной фонетической особенности, а, напротив, сохранял ее в своей речи (так же, как и другие характерные приметы речи лидера: *н́чьть*, *пр́йнять*, *угл́убить* и под.). Во времена Н.С. Хрущева, произношение которого отличалось не только наличием [γ] фрикативного, но и мягкостью [з] в словах типа *социализм*, "изьмы" слышались и в устных выступлениях многих других политиков.

Возрастной фактор влияет на наличие [γ] следующим образом: если в относительно молодом возрасте говорящий не смог избавиться от этой произносительной особенности, то в зрелом возрасте сделать это ему будет труднее (что отражает общую тенденцию к "консервации" речевых навыков с увеличением возраста).

Наличие [γ] обнаруживает некоторую зависимость и от пола говорящих: среди выходцев с юга России женщины дольше сохраняют в своей речи этот звук, чем мужчины, хотя на эту зависимость может накладываться действие других факторов: например, в среднем меньшая социальная мобильность женщин, чем мужчин, с одной стороны (что способствует сохранению [γ]), а с другой – в условиях семейной жизни влияние речи мужа, если для его речи характерен не [γ], а [г].

Фактор социальной мобильности – как вертикальной, так и горизонтальной, – как известно, способствует устранению из речи говорящего черт, противоречащих общепринятому узусу. Эта закономерность проявляется и на примере [γ], при условии, что социальные группы, с представителями которых общается данный носитель языка, характеризуются наличием в их речи [г] взрывного, а не [γ] фрикативного.

Разумеется, надо учитывать и разную способность говорящего к самоконтролю: в том, что касается произносительных и интонационных речевых навыков, которые в значительной степени автоматизированы, весьма большой процент говорящих не способен контролировать себя и как-либо корректировать свою речь даже в "социально ответственных" коммуникативных ситуациях.

Эта общая картина, которая демонстрирует зависимость сохранения [γ] от социальных факторов, в реальности не выглядит цельной, а, напротив, нарушается многочисленными исключениями, в основе которых – значительные изменения в составе носителей русского литературного языка, произошедшие в XX веке.

Пополнение контингента носителей литературного языка за счет выходцев с юга России сделало этот фонетический элемент необычайно распространенным в современном произношении. Если пользоваться [γ] фрикативным как маркером нелитературности речи, то из состава носителей современного литературного языка следует исключить всех тех, чья речь содержит этот звук, но в остальных свойствах вполне литературна. Чистота произносительной нормы тем самым останется в неприкосновенности. Но, заметим, чистота нормы как идеала, как теоретического конструкта. Реальная же речевая практика с этим идеалом не совпадает и нередко весьма далека

от него (как говорил Ж. Вандриес, "правильный язык – идеал, к которому стремятся, но которого не достигают"). А задача социалингвистического исследования состоит как раз в том, чтобы получить представление о реальной языковой жизни людей.

Однако помимо нормы есть еще один параметр (связанный с нормой, но все же самостоятельный), по которому оценивается речь человека и ее свойства, – **социальный престиж**: очевидно, что социальный престиж литературного произношения в современном русском обществе выше, чем социальный престиж произношения диалектного или просторечного. В связи с этим кажется несомненным, что социальный престиж двух типов произношения – с [γ] фрикативным и с [г] взрывным – неодинаков: тип с [г] взрывным как соответствующий традиционной фонетической норме более престижен, чем тип с [γ] фрикативным. Для всех говорящих по-русски очевидно, что в "социально ответственных", культурно значимых коммуникативных сферах и ситуациях общения – в радио- и телевизионной речи, в театре, кино – нормативным является произношение [г] взрывного. А фрикативный либо используется как необходимая "речевая краска", либо с ним мирятся как с неустранимой чертой речи лиц – выходцев с юга России, которые могут играть определенную роль в политической и культурной жизни страны, быть людьми публичными (что связано с необходимостью выступать перед массовой аудиторией, в том числе по радио и телевидению).

Отдельный вопрос – о произношении заднеязычного в словах типа *Бог, благо* и нек. др. До сравнительно недавнего времени [γ] и его позиционный вариант [х] были в произношении этих слов единственной орфоэпической нормой (о чем писал более семидесяти лет тому назад Д.Н. Ушаков: см. [Ушаков 1928]). Однако в современной речи все большее распространение получает произношение *Бо[г]а, бла[г]о* и запрещаемое нормой (см. [Орфоэпический словарь 1989: 46, 651]) *Бо[к],* это характерно главным образом для речи молодого и среднего поколений. В произношении священнослужителей [γ] – [х] в этих словах, кажется, не зависит от возрастных различий говорящих (говоря об этом осторожно, потому что нет материала массовых наблюдений над речью священников).

К социально маркированным чертам произношения в области консонантизма следует отнести так называемое [ж'] полумягкое и [l] среднеевропейское, возможные в иноязычных словах типа *жюри, блеф*, в названии ноты *ля* и в собственных именах типа *Сен-Жюст, Флобер*.

Та и другая особенности произношения характерны для некоторых представителей старшего поколения интеллигентов – носителей литературного языка, как правило, владеющих иностранными языками (и [ж'], и [l], несомненно, ближе к иноязычным фонетическим образцам, чем [ж] и [л]). Кроме того, [ж'] полумягкий может встречаться и в речи представителей других социальных групп как с и т у а т и в н о о б у с л о в л е н н ы й вариант [ж] твердого. Так, ведущий телевизионной передачи "КВН" А. Масляков произносит [ж']*жюри*, когда он выступает в роли именно телевизионного ведущего (то есть в публичной речи), а вне этой роли, в непринужденном разговоре допускает и твердый вариант: [ж]*жюри*. Тенденция к ситуативно обусловленному произнесению именно [ж'], а не его твердого коррелята наблюдается и в речи некоторых других телевизионных ведущих. Так, во время ежегодной торжественной церемонии вручения приза ТЭФИ, транслируемой по телевидению, со сцены часто звучит полумягкий вариант фонемы ⟨ж⟩ в слове *жюри*.

1.2. Социально маркированными являются и некоторые виды п о з и ц и о н н о о б у с л о в л е н н о г о произношения согласных. Они были достаточно подробно описаны в предыдущих наших работах (см.: [РЯиСО; РЯДМО; Социально-лингвистические исследования 1976]), а также в исследованиях других авторов: см., например [Ганиев 1971; Григорьева 1980] и др.

Здесь обратим внимание на такие особенности произношения согласных, которые характерны не только для речи носителей литературного языка (что было объектом

внимания в указанных работах), но и для речи носителей других языковых подсистем. Так, среди разных типов ассимилятивного смягчения согласного перед следующим мягким согласным выделяются такие, которые не свойственны (или почти не свойственны)² речи носителей литературного языка, а являются яркой приметой просторечия: *ко[н'ф']эта, ла[ф'к']и, ла[п'к']и, по[д'в']есить, о[т'в']ёл* и под.

Социально отмеченными, характерными для малообразованной просторечной среды являются многие случаи расподобления согласных типа *дилектор, колидор, слободно, транвай* и под., а также произношение *каж[н]ый, ни[н]жак* и т.п. В отличие от [γ], который распространен широко, такого рода факты редко выходят за пределы просторечной среды, резко противопоставленной другим социальным группам по уровню образования и культуры.

Давно замечено, что социально обусловленные различия в фонетике часто лексикализированы: ср., например, произношение [ы³] в словах *шаги* и *лошадей*, ассимилятивное смягчение согласных и нек. др. фонетические явления. Иногда произносительная специфика касается одного слова; таково, например, произношение слова *вообще* в среде подростков: [ваш' э] – со стяжением {oo} в [a] и с полной утратой [п] на месте ⟨б⟩ (ср. нормативное произношение этого слова: [вапш'э] или [вапш' э]).

1.3. В области **вокализма** к социально маркированным особенностям можно отнести различие ⟨о⟩ и ⟨а⟩ неударных (то есть сохранение [o] не под ударением) в словах типа *божественный, богохульство, милосердие, добродетель* и т.п., наблюдаемое в речи священнослужителей, хотя, по-видимому, эту особенность их речи нельзя считать "полноценным" оканьем, как в типичных окающих севернорусских говорах. Кроме того, эта фонетическая черта у названной группы говорящих ситуативно и жанрово обусловлена: наиболее отчетливо она проявляется в проповедях и вообще в публичной речи, в других же коммуникативных условиях произношение ⟨о⟩ неударного близко к обычному акающему, рекомендуемому современной орфоэпической нормой.

Звук [o] не под ударением сохраняется также при произношении некоторых иноязычных слов (типа *сонет, болеро*) в речевой практике представителей интеллигенции старшего поколения, главным образом в жанрах публичной речи³.

Социально отмеченной является редукция неударного ⟨y⟩ – явление, на которое впервые (на материале акающих говоров) обратил внимание Л.Л. Касаткин в работе [Касаткин 1971] и которое получает все большее распространение в современной речи. По-видимому, в наибольшей степени произношение типа [бъ]тербрóд, [дъ]ракú (дураки), [съ]ндуку́й, де́[дъ]шка, ма́[тъ]шка и под. характерно для носителей просторечия. Однако и у представителей других социальных слоев и групп в спонтанной, главным образом в аллегорической, речи наблюдается эта особенность. Несмотря на это, пока, на современном этапе развития русского языка ее следует квалифицировать как ситуативно и отчасти социально обусловленную произносительную черту. Возможно, со временем она распространится во все слои носителей русского языка, но скорее всего сохранит ситуативную и жанрово-стилистическую обусловленность (сейчас трудно представить себе, чтобы со сцены или по радио произнесли: "Я памятник себе воздвиг [н'иръка]твóрный").

² В литературном произношении эта фонетическая черта еще встречается у потомственных москвичей старшего поколения. Однако в целом ее следует квалифицировать как малохарактерную для современной орфоэпической нормы и, напротив, как весьма распространенную в просторечии. Об условиях реализации в произношении сочетаний согласного с последующим мягким согласным и об эволюции нормы на этом участке см. в [Панов 1967: 325–327; Григорьева 1980].

³ В работе [РЯиСО, кн. 3: 120] приведены статистические данные, свидетельствующие, что в речи старых москвичей эта черта произношения распространена достаточно широко. Однако эти же данные указывают на ее несомненную лексическую обусловленность: она сохраняется в малочастотных заимствованиях типа *боа, бомонд* и выглядит как претенциозное манерничанье в бытовых номинациях типа *костюм, бокал*, "чья заимствованность уже перестала ощущаться говорящими" [Панов 1967: 324].

2. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ АКЦЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Хрестоматийными примерами социально и профессионально обусловленных акцентных форм являются такие факты, как *компа́с* – в речи моряков, *до́ббыча* – в речи горняков, *при́вод* – в речи милицеевских работников, *при́кус* – в речи стоматологов, *про́гиб* – в речи строителей, *ка́учук* – в речи химиков, *со́зывает* – в речи парламентариев и политиков и некот. др.

В современной речи наблюдаются массовые случаи отклонения от акцентной нормы. Политики, депутаты, члены правительства, обычные носители языка то и дело произносят: *на́чать, углуби́ть, обо́стри́ть, при́нять, материальные бла́га, средствá* и т.п. Многие из этих акцентных явлений "размыты" по разным социальным группам, не закрепились в речевой практике какой-либо одной из них. Кроме того, такие неправомерности различаются по степени своего отклонения от литературной нормы: акцентные варианты типа *отпи́л, нали́л, обня́лись, собра́лись* и т.п. рассматриваются как допустимые в литературном произношении (см. [Воронцова 1979; РЯДМО; Орфоэпический словарь 1989]).

Наряду с подобными вариантами наблюдаются разнообразные акцентные явления, которые во многих случаях могут быть охарактеризованы как присущие речи той или иной социальной среды. Разумеется, и в этом случае литературная норма выступает мерилем акцентной правильности речи, однако квалификация "нормативно – ненормативно" здесь явно недостаточна: гораздо важнее "привязать" ненормативное явление к определенной социальной или профессиональной среде.

Не претендуя на систематичность в перечислении такого рода отклонений от акцентной нормы, укажем некоторые из них, наиболее яркие и определенные по своей социальной или профессиональной отнесенности.

Два причастия – *осужденный* и *возбужденное (дело)*, согласно орфоэпической норме имеющие ударение на гласном суффикса (*осужде́нный, возбужде́нное*), – в среде прокурорских работников, следователей, милиционеров произносятся с ударением на гласном корня: *осу́женный, возбу́жденное*. Эти акцентные формы могут служить своеобразными маркерами речи указанных профессиональных групп: если вы слышите произношение этих словоформ с накоренным ударением, то скорее всего говорящий – либо прокурор, либо следователь, либо милиционер. Можно предположить, что эта особенность ударения в указанных словоформах имеет длительную традицию в названной социальной среде: известный в прошлом адвокат П.С. Пороховщиков (П. Сергеич) еще в конце XIX века отмечал накоренное ударение в глагольной форме прошедшего времени: *возбу́дил* – как характерное для речи юристов [Сергеич 1960: 38]. Он осуждал также ударение на префиксе в слове *приговор*, считая его принадлежностью "речи чинов прокуратуры, присяжных поверенных и их помощников, секретарей судебных мест и кандидатов на судебные должности" (Там же). В современной речи такое произношение слова *приговор*, по-видимому, не столь жестко прикреплено к указанному профессиональному кругу говорящих – оно встречается и в других группах носителей языка.

Некоторые акцентные явления, обычно рассматриваемые лишь как отклонение от литературной нормы, приобретают черты социально локализованных языковых черт. Таково, например, произношение слова *квартáл* с ударением на первом слоге: оно характерно главным образом для речи финансовых и административных работников, служащих домоуправлений и т.п. Ср.: "О, его величество квартал! Поседевшие в боях со штурмовщиной хозяйственники поклоняются его тысяче и одному показателю, как языческому божеству. (Кстати, не знаю ни одного из администраторов, кто бы произносил слово "квартал" правильно, и это тоже один из феноменов нашей действительности)" (Лит. газ., 1987, беседа с главным редактором издательства "Московский рабочий"; пример заимствован из работы [Еськова 1994: 133]).

Произношение слова *киломе́тр* с ударением на втором слоге в наибольшей степени

характерно для речи водителей, диспетчеров автомобильного движения, автоинспекторов, хотя было бы неверно утверждать, с одной стороны, что в их речи встречается только этот вариант и отсутствует вариант с нормативным ударением, и, с другой, что ненормативное произношение этого слова нельзя услышать в речи представителей других профессиональных групп. Кроме того, у одного и того же лица ударение может варьировать – в зависимости от ситуации или типа собеседника. Иногда говорящие вполне сознательно применяют разные акцентные варианты. Знаменитый металлург академик И.П. Бардин на вопрос о том, с каким ударением он произносит слово *километр*, ответил: "Когда как. На заседании Президиума Академии – *киломе́тр*, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, *кило́метр*, а то подумают, что зазнался Бардин" (цит. по: [Костомаров, Леонычев 1966: 5]).

Еще несколько примеров профессионально обусловленного ударения.

На текстильных фабриках работают *мóтальщицы* – именно так называют эту профессию и сами мотальщицы, и те, кто близок к текстильному производству. А в цехах механических заводов есть *стро́гальные станки*, у которых стоят *стро́гальщики*, и такое ударение является единственным в этой профессиональной среде (сказать здесь *строга́льный станок*, *строга́льщик* – значит, обнаружить себя как "чужака"). В речи медиков преобладает произношение *а́лкоголь*, *наркоман́ия*, *рентге́нография* и под.; литературная норма, как известно, рекомендует иные акцентные образцы: *алкого́ль*, *наркомáния*, *рентге́ногра́фия* [Орфоэпический словарь 1989].

Некоторые акцентные явления распространены не в одной, а в разных социальных и профессиональных группах говорящих. Например, ударение на флексии *-ы (-и)* в именит. падеже множественного числа существительных мужского рода распространено как среди людей технических профессий, так и в "обычном" (не профессиональном) просторечии: *краны́*, *стаканы́*, *склады́* (естественно, ударны и флексии косвенных падежей множ. числа: *крано́в*, *кранáм*, *кранáми*, *о кранáх*, *стакано́в* и т.д.). Возможно, впрочем, что разные лексемы, которые характеризуются этим ударением, встречаются в той и в другой среде с разной частотой: например, словоформа *краны́* более обычна в техническом "языке" (по нашим наблюдениям, крановщики и сантехники употребляют словоформы этого слова – как в значении 'подъемный механизм', так и в значении 'запорное устройство на водопроводной или какой-либо иной трубе для выпуска жидкости или газа' – исключительно с конечным ударением), а словоформы лексемы *стакан* (*стаканы́*, *стакано́в* и т.д.) – в просторечной среде (вероятно, без какой-либо профессиональной локализации).

3. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫХ ФОРМ

3.1. Формы им. падежа множ. числа существительных мужского рода, имеющих в конце основы твердый или мягкий согласный, с флексией *-á(-я́)* весьма частотны в современной русской речи; при этом многие из них должны (или могут) быть охарактеризованы как профессионально или социально маркированные. Чаше других эту флексию и ударные флексии косвенных падежей получают существительные, обозначающие предметы и понятия, наиболее регулярно употребляемые в данной профессиональной или социальной среде.

Например, словоформы типа *соусá*, *супá*, *торта́*, *шампура́*, *инице́ля* и т.п. – примета речи поваров и других представителей "кулинарного цеха", словоформы типа *бункера́*, *взвода́*, *госпита́ля*, *дембеля́* (от слова *дембель* во втором из двух значений: 1) 'время демобилизации из армии' и 2) 'тот, кто демобилизуется') и т.п. – обычны в речи военных, а *боцмана́*, *мичмана́*, *штурмана́*, *тросá* и под. – в речи моряков; как явные техницизмы, то есть факты, присущие преимущественно речи людей, имеющих технические профессии, воспринимаются словоформы *допус́ка*, *дюбеля́* (ед. *дюбе́ль*),

кульманá, штангелá, швеллерá и под.; речи представителей сил правопорядка и правосудия – прокуроров, следователей, милиционеров – присущи такие формы, как *обыскá, приводá, срокá* (Было проведено несколько **обысков**; Участились **приводá** в милицию несовершеннолетних подростков; Необходимо сокращать **срокá** пребывания подследственных в местах предварительного заключения – из выступлений по телевидению представителей органов милиции и прокуратуры, 1998–1999 гг.); в уголовном жаргоне ударные флексии в именных словоформах множественного числа приобретают наиболее употребительные и специфичные для этого жаргона имена существительные: *корешá* (от *кореш* в значении ‘друг, приятель’), *кошельá* (от *кошель* в значении ‘карман’), *мусорá* (от *мусор* в значении ‘милиционер’), *фраерá, люберá* и т.п.

В просторечной среде в эту словоизменительную модель – с ударными флексиями в косвенных падежах множественного числа существительных – “затягиваются” и некоторые существительные женского рода: в просторечии частотны формы типа *матеря́, площадья́, мозоля́* (от *мозоль*; впрочем, это слово – так же, как *канифоль, фасоль* и нек. др. – в просторечии нередко склоняется и согласуется с определениями и с глагольными формами как существительное мужского рода: *Замучилась с этим мозолем, Новый мозоль на ноге образовался* и т.п.) и нек. др.

3.2. Социально или профессионально маркированы некоторые глагольные словоформы.

Так, накоренное ударение в словоформах *свёрлишь, свёрлит, свёрлим, свёрлите, свёрлят*, а также в личных формах префиксальных производных этого глагола: *просвёрлишь, просвёрлит, рассвёрлишь, рассвёрлит* и т.д. характерно для речи рабочих, имеющей дело с токарной и слесарной обработкой металла.

Накоренное ударение в личных формах глаголов *включить, подключить, исключить*: *включишь, включит, включим, включите, включают, подключат, исключат* и т.д. – распределено в зависимости не от собственно социальных или профессиональных характеристик говорящих, а от их возраста: оно более характерно для речи молодого и среднего поколений, старшее же поколение больше привержено традиционному варианту (с ударением на личном окончании), а некоторые представители интеллигенции старшего поколения к тому же и осуждают акцентное новшество – ударение на основе; в частности, Л.К. Чуковская и устно, и печатно (но безуспешно) боролась с произношением *включишь, включит* и т.д. (см. ее статью в сборнике, посвященном 90-летию академика Д.С. Лихачева, – [Чуковская 1996]).

4. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ

Начиная с пионерских работ Г.О. Винокура, обратившего внимание на определенную специфику словообразовательных процессов в области русской технической терминологии (см.: [Винокур 1939; 1946]), исследователи отмечают **специализацию** словообразовательных моделей и словообразовательных аффиксов как одну из основных тенденций развития системы русского словообразования (см. [РЯиСО, кн. 2, гл. 5]). При этом имеется в виду, во-первых, установление взаимно-однозначных отношений между аффиксом и выражаемым им значением: ср., например, вполне определившееся к концу нынешнего века отношение между значением ‘житель города (местности)’ и суффиксом *-чанин* – вместо имевшей место в недавнем прошлом множественности суффиксов, “обслуживавших” это словообразовательное значение.

Во-вторых, тенденция к специализации словообразовательных моделей выражается в “распределенности” аффиксов и соответствующих моделей словообразования по тем или иным сферам языка. Например, в техническом “языке” высока – по сравнению с другими сферами речевой деятельности человека – продуктивность суффиксов *-щик/-чик* и *-атор*: с помощью *-щик/-чик* образуются названия профессий – *расклеищик, перекладчик* и под., – а суффикс *-атор* участвует в образовании и имен лица, и

названий механизмов, иногда совмеща в одном слове оба значения: *аэратор*, *дегазатор* и под.

Именное словообразование в области русской спортивной терминологии отличается иными особенностями: здесь исследователи отмечают типичность сложносоставных наименований нескольких разновидностей: *старт-финиш* (конъюнктивный тип), *легкоатлет* (видо-родовой тип), *копьеметатель* (прямо-дополнительный), *конькобежец* (косвенно-дополнительный), *внутриклубный* (обстоятельный тип), распространенность стяжений словосочетаний в одно слово с добавлением суффикса *-к(а)*: *стометровка*, *двадцатиминутка*, *пятисотка* и т.п. (см.: [Андреев, Замбрицкий 1963]).

В среде, специфической не по профессиональному, а по возрастному признаку, – студенческой и, соответственно, в студенческом жаргоне активна модель образования с помощью суффиксов *-як* и *-няк* экспрессивных существительных с общим значением состояния организма: *депрессняк* ‘депрессия’, *отпадняк* ‘состояние сильного удивления или восхищения’, *передозняк* ‘состояние, возникающее в результате передозировки наркотика’ и т.п. (примеры взяты из работы [Юганов, Юганова 1997]). В так называемом общем жаргоне (см. о нем [Ермакова, Земская, Розина 1999]), который наиболее распространен в речи представителей молодого и среднего поколений говорящих, весьма продуктивен тип существительных с суффиксом *-ух(а)*: *бытовуха*, *кликуха*, *порнуха*, *чернуха* и под.

С точки зрения социальной дифференциации языка и социальной маркированности его средств важен второй аспект специализации словообразовательных средств. При определенной общности словообразовательных моделей для всего «пространства» русского языка – от территориальных диалектов и социальных жаргонов до литературной его формы – эти модели известным образом **р а с п р е д е л е н ы** между подсистемами языка (а внутри литературной формы – и между стилями и сферами общения), однако это распределение не “жесткое” – по принципу “есть – нет” (такая-то словообразовательная модель, такой-то словообразовательный тип в данной подсистеме), а статистическое: слова, образующиеся по модели *X*, в подсистеме (сфере общения) *Y* более частотны, более обычны, более разнообразны (например, с точки зрения набора основ, от которых они могут быть произведены), чем в подсистемах *Z*, *W* и др. (об этом свидетельствуют и примеры из технического «языка» и из спортивной терминологии, приведенные выше).

Наряду с этим в профессионально или социально ограниченных сферах общения возможно порождение и функционирование таких образований, которые отличаются от общезыковых как по словопроизводственной модели, так и по сопровождающим такую модель иным, не словообразовательным чертам – например, по акцентным характеристикам, по семантическим взаимоотношениям со словами литературного языка и т.п. Как правило, такие специфические образования возникают для обозначения актуальных в данной сфере общения понятий и действий; коммуникативная потребность в подобных образованиях столь велика, что говорящие либо пренебрегают запретами, которые налагает словообразовательная система языка на те или иные морфемные сочетания, либо производят такие лексические единицы, которые хотя и “разрешены” системой, но в которых другие сферы общения не испытывают нужды.

Например, в речи медиков отмечен глагол *раздышать*: ...*пытались его [тяжело раненного] раздышать с помощью этого аппарата, но все бесполезно* (Телевидение, 1998 г., в речи врача скорой помощи); как известно, в литературном языке *дышать* соединяется с приставкой *раз-* только в сочетании с постфиксом *-ся*: *раздышаться*. Медики говорят: *пролечить* больного, *проколоть* ему пенициллин (ср. также активность этой глагольной модели в речи финансистов, коммерсантов: *проплатить* все счета). В профессиональной медицинской среде отмечены такие образования, как

сочётанные травмы, тощакóвая моча, скоропомóщные мероприятия, вспы́шечные заболевания. С точки зрения словообразовательной системы такие слова, как *сочетанный* и *тощакóвый* "незаконны": от глагола *сочетать* не образуется страдательное причастие прошедшего времени, а прилагательное *тощакóвый* произведено от отсутствующего в языке существительного **тощак*, которое было "извлечено" профессионалами-медиками из наречия *натошак* для того, чтобы оно послужило производящей основой указанного прилагательного.

Специфические образования отмечаются в официально-деловом стиле литературного языка, а говоря конкретнее – в "языке" чиновников (скорее устным, чем письменным): *подвижка* (*Произошли **подвижки** по Югославии*), *проговорить* и *обговорить* в значении 'обсудить' (*Нужно **проговорить** вопросы, связанные с установлением границы с Чечней; Этот налог надо **обговорить** в Думе*); *конкретика* (*Предложенные планы правильные, только надо наполнить их **конкретикой***), *наработки* (*В этой сфере у нас уже есть определенные **наработки***) и др. Глагол *задействовать* в значении 'привести в действие', из языка военных перекочевавший в чиновничий язык, сейчас уже почти потерял свою социальную маркированность (с пометой 'спец.' он зафиксирован в словаре Ожегова – Шведовой, но в данном случае эта помета, как кажется, не отражает узус: глагол употребляется достаточно широко и не только в речи специалистов).

Профессиональная речевая среда "не боится" омонимии возникающих в ней образований с уже имеющимися в языке словами: ср., например, бытующее в среде следователей и прокурорских работников слово *особняк* в значении 'следователь по особо важным делам' (в этом же значении употребляется профессионализм *важняк*, образованный от другого компонента приведенного словосочетания), употребляющееся в административно-чиновничьем "языке" слово *расшивка* в значении 'решение' (*Проводятся мероприятия по **расшивке** комплекса социальных проблем в регионе*), технический жаргонный термин *цветник* 'специалист по цветным металлам', спортивные термины *перестрелка* 'повторные соревнования по стрельбе между спортсменами, набравшими одинаковое число очков, для выявления победителя' и *перебой* 'повторная встреча фехтовальщиков, набравших одинаковое число очков, для выявления победителя' и т.п.

5. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

5.1. В недавно опубликованной "Коммуникативной грамматике русского языка" Г.А. Золотова, вводя читателя в проблематику книги, останавливается на примерах конструкций, характерных для речи людей, "говорящих обедненным языком", речи, в которой автоматически и невпопад соединяются "клише и штампы среды обитания и притяжения; для одних – это разные молодежные группировки, для других – партийно-общественные круги, для третьих – профессионально-деловые, военные, спортивные" [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 18].

Хотя пафос этого наблюдения – в том, что многие бездумно относятся к своему языку, не контролируя отбор средств и их правильное, соответствующее не только литературной норме, но и культурной традиции совмещение в пределах высказывания, здесь подмечена одна характерная черта многих речевых произведений, о которой и идет речь в данной главе, – их социальная маркированность.

В самом деле, приведенные в цитируемой книге фразы содержат фрагменты, которые могут быть квалифицированы как в большей или меньшей степени характерные для определенной социальной среды: *Когда он подъедет, мы попросим его подсесть к нам; ...расследуются преступления по убийству; ...ситуация по этому заводу; обговариваем вопрос организации работ* и т.п. – это можно слышать из уст чиновника, работника прокуратуры, депутата Государственной Думы.

Обычно такого рода речевые особенности интерпретируются либо с точки зрения их правильности – неправильности (то есть соответствия норме, характеризующей данный этап развития литературного языка), либо с точки зрения принадлежности их к какой-либо подсистеме языка или функционально-стилистической его разновидности – например, просторечию, официально-деловому стилю и т.п. Но фактически за такой интерпретацией стоят те или иные сферы социальной жизни и, значит, определенные группы людей, составляющих данное общество. Они могут пользоваться той или иной подсистемой языка всегда, вне зависимости от условий общения (таковы, например, в своей массе носители русского просторечия), или же быть "полигlossными", переключаясь с одной подсистемы или функционально-стилистической разновидности на другие при изменении коммуникативной ситуации (например, с официально-делового стиля в ситуации судебного заседания на обычный разговорный язык в семейном или бытовом общении).

Но между полной "монологичностью" (как у носителей просторечия) и умением легко осуществлять кодовое переключение (как у образцовых носителей литературного языка) есть масса промежуточных случаев, отражающих разрыв между осознанием необходимости подбирать подходящие языковые средства и неумением это делать (причин такого неумения много, но главная – неразвитость языкового вкуса). Значительная же часть говорящих попросту не озабочена проблемой выбора слова или синтаксической конструкции. Даже современная интеллигенция, по выражению Л.К. Чуковской, "лишилась иммунитета": "не совершает отбора" языковых средств [Чуковская 1996]. Как следствие этого – штампы милицейских протоколов в телевизионном интервью, "канцелярит" в обыденном разговоре, обороты, уместные в технических инструкциях, – в обращении водителя троллейбуса к пассажирам, и т.д. Все это свидетельствует о низком уровне владения языком, хотя в такого рода смешении разных речевых стихий может и не происходить прямого нарушения грамматических норм языка (о чем также пишет Г.А. Золотова [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 17–18]).

В данном разделе речь пойдет о социальной маркированности лишь некоторых синтаксических конструкций, употребительных в современной русской речи. Одни из них давно покинули ту социальную среду, которой обязаны своим рождением, и весьма частотны как в средствах массовой информации, так и в устно-разговорных жанрах речи; другие сохраняют следы своей социальной прикреплённости. Применительно и к тем, и к другим можно говорить о социальной маркированности, поскольку налицо не только особая стилистическая окрашенность синтаксической конструкции, но и специфика ее структуры, характерная для определенного круга говорящих.

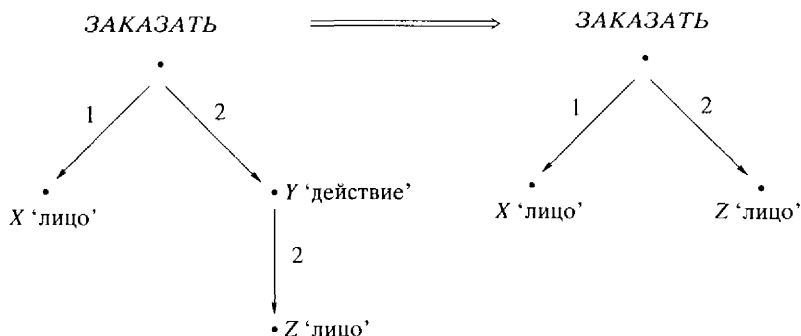
5.2. *Заказать* + S одуш вин

Эта конструкция употребляется в значении 'подготовить, организовать убийство кого-либо'. Оборот родился в речи мафиозных, преступных групп в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века и быстро распространился, чему немало способствовали средства массовой информации, чуть ли не ежедневно сообщающие о заказных убийствах.

Своеобразие этой конструкции и ее отличие от нормативного употребления глагола *заказать* в литературном языке заключается в том, что второй актант в семантической структуре глагола обозначает лицо, в то время как литературное *заказать* исключает такое выражение второго актанта: можно заказать какие-либо услуги, еду, питье, предметы одежды и обуви и т.п.; ср.: *заказали столик в ресторане, заказать ужин на двоих, заказала платье в ателье*. В ситуации подготовки убийства кого-либо этот актант должен был бы выражаться каким-либо предикатом, чаще всего самым словом *убийство*, а также его синонимами и аналогами (*ликвидация, уничтожение* и др.), а синтаксическим зависимым этого предиката выступает именная группа, обозначающая лицо⁴: *заказали убийство известного политического деятеля*.

⁴ Возможность выражения второго актанта именами с предметным значением (*заказать борщ в ресторане, платье в ателье, номер в гостинице*) в данном случае не рассматривается.

В жаргонной конструкции убрано звено: вместо того, чтобы подчинять глаголу обозначение лица через посредство предиката, подчинение осуществлено непосредственно:

При этом значение глагола специфицировано: он обозначает только ситуацию подготовки и организации убийства, но, например, не ситуацию приготовления какого-либо блюда, шитья платья или костюма и т.п.

5.3. S(V) + НА + S' вин

Сходное стяжение актантной структуры предиката произошло в конструкции, имеющей совершенно иное "социальное происхождение". Речь идет о характерной для речевого обихода некоторых групп технической интеллигенции конструкции S(V) + НА + S' вин, где в качестве S(V) выступает отглагольное существительное типа *бурение*, *разведка*, а в качестве S' вин – обозначение объекта, который является результатом действия, называемого с помощью S(V): *Фирма осуществляет бурение на воду*; *В этом районе велась разведка на нефть*⁵. В развернутом виде эти предложения должны были бы включать компоненты, обозначающие объект (*бурение*, *разведка* *чего*) и цель (*бурение*, *разведка* *с целью обнаружения*), а результат действия в таком случае выражался бы синтаксическим зависимым предиката: *...с целью обнаружения воды (нефти)*.

Формально та же конструкция – сочетание существительного, обозначающего действие, с предложно-падежным оборотом НА + S вин, однако с иными значениями как составляющих, так и всей конструкции отмечена в других социальных сферах: в речи спортивных журналистов и спортсменов (*соревнования на первенство*, *матч на кубок*, *велогонка на приз* – выражено значение цели), в речи военных (*приказ на прорыв из окружения*, *решение на проведение операции* – выражены значения 'содержание' и 'цель') – см. [Золотова 1974: 155].

Такого рода синтаксические стяжения не редкость в техническом и других профессиональных "языках", в устной форме официально-деловой речи. Как показатель определенной тенденции в развитии русского синтаксиса они были отмечены Г.А. Золотовой и Н.Ю. Шведовой более тридцати лет тому назад, см. [Золотова 1966; Шведова 1966; РЯиСО, кн. 3: 250 и след.]. В конце XX века эта тенденция проявляется в речи разных социальных групп и на различном языковом материале. Особенно характерна в этом отношении экспансия предлога *по*, неоднократно отмечавшаяся исследователями.

⁵ Г.А. Золотова отметила случаи следующей стадии подобного стяжения, когда в качестве синтаксического хозяина в этой конструкции выступает не предикат, а предметное имя: *А между тем в России как будто нет руд на металлический алюминий* (В. Вернадский), – см. [РЯиСО, кн. 3: 251]. По-видимому, этот тип синтаксического стяжения остается исключительной принадлежностью профессионального "языка" геологов и горняков.

5.4. S(V) + ПО + S' дат или V + ПО + S' дат

Возникшая в чиновничьей среде конструкция с предлогом *по* – типа: *переговоры по Югославии, голосование по кандидатуре NN, инициатива по Чечне, договоренность по Газпрому* и т.п.⁶ имеет исключительно широкое распространение в современной речи. Как правило, синтаксическим хозяином в этой конструкции является отглагольное существительное (как в приведенных примерах), в норме не управляющее предложно-падежной группой с предлогом *по* (ср.: *переговоры, договоренность о чем-либо, голосование за кого-либо, инициатива в чем-либо*). Встречаются и сочетания, где в качестве подчиняющего компонента употребляется не существительное, а глагол, в литературном языке также не способный управлять предлогом *по*: *Мы, кстати, встречались с Гайдаром и по банку, и по Парамоновой* (В.С. Черномырдин); *Необходимо договориться с МВФ по российскому долгу, по его реструктурированию* (М.М. Задорнов, министр финансов России)⁷.

Конструкции этого типа частотны в языке средств массовой информации, в устных выступлениях представителей власти, политиков, финансистов, бизнесменов, то есть наблюдается достаточно широкий "разброс" этих конструкций по разным функциональным разновидностям речи и разным социальным слоям и группам. Однако нельзя не отметить тот факт, что рассматриваемые конструкции мало характерны для устно-разговорной речи социальных групп, не связанных с названными выше сферами деятельности (власть, политика, финансы, бизнес), – например, для речи гуманитарной интеллигенции.

Далеко не все специфические, нарушающие языковую традицию явления, в том числе и в синтаксисе, могут быть квалифицированы как принадлежащие той или иной социальной среде. Некоторые инновации отражают общие тенденции развития языка (или каких-либо уровней его структуры) и возникают на пересечении нескольких функциональных разновидностей языка и разных социальных сфер его использования. Тем не менее, изучение источников появления тех или иных новшеств, "социальная паспортизация" этих источников позволяют яснее представить себе пути, которыми в литературный оборот вовлекаются новые выразительные средства.

6. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

До сих пор речь шла о социальной маркированности, выраженной в виде специфических звуков, особенностей ударения, словообразовательной структуры тех или иных слов, синтаксической структуры словосочетаний. Социальные маркеры в этих случаях материальны.

В этом разделе объектом нашего внимания будут субстанции, которые материализуются не в виде тех или иных внешних признаков слова или предложения, а в виде лексических значений (или фрагментов значений), которым в соответствии ставятся толкования (или соответствующие их части), описывающие эти значения. Тем не менее и в этом случае мы должны говорить о социальной маркированности языковых единиц, поскольку определенные значения слов или компоненты значений обнаруживают свою социальную (а не какую-либо иную) природу.

6.1. Тривиальной разновидностью социально маркированных лексических значений являются **метафорические переосмысления** общеупотребительных слов, происходящие в среде говорящих, ограниченной по профессиональному или социальному признаку.

⁶ Значение предлога *по*, реализующееся в этой конструкции, Л.Л. Иомдин определяет как выражающее "валентность темы"; *по* в таком употреблении автор снабжает пометами "офф. прост." – см. [Иомдин 1991: 95, 109–110].

⁷ О различиях в нормативной оценке этих оборотов в середине XX века и в 90-х годах, а также об ограничениях в использовании предлога *по* в такого рода конструкциях см. в работе [Гловинская 1996: 249–252].

Ср., например: *коза* 'вагонетка для перевозки людей в шахте', *баран* 'машина для сверления шпуров', *чайник* 'пневматический насос' – в профессиональном языке горняков [Краснова, Марченко 1981: 338–339], *брюхо* 'нижняя часть фюзеляжа', *морда* 'лобовая часть самолета', *нога* 'опора шасси' – в языке летчиков; *меняла* 'сменщик', *пиджак* 'пассажир провинциального вида', ехать *конем*, то есть порожняком, без пассажиров – в языке таксистов (подробнее см. в [Крысин 1989: 68–69]); *балерина* 'отмычка', *крыса* 'тот, кто ворует у своих', *кувалда* 'умственно отсталый человек', *ротонда* 'тюрьма' – в жаргоне уголовников (см. [Балдаев и др. 1992]), *колёса* 'наркотик в виде таблеток', *косяк* 'папироса с марихуаной или другим наркотиком', *торчат* 'употреблять наркотики', *травка* 'марихуана' – в жаргоне наркоманов и хиппи (см. [Рожанский 1992; Юганов, Юганова 1997]) и мн. др. Во всех подобных случаях слово с данным значением является социальным маркером определенной профессиональной или социальной среды. Такого рода метафорические переосмысления, характерные для профессионального просторечия и для социальных жаргонов, достаточно подробно описаны в ряде работ отечественных русистов.

6.2. Меньше изучено принципиально иное явление, также имеющее отношение к проблеме социальной маркированности языковых единиц, – отражение в лексическом значении слова социальных отношений между участниками ситуации, обозначаемой этим словом. Это явление уже было объектом нашего внимания в предшествующих работах (см. [Крысин 1983; 1986; 1989]), поэтому здесь мы рассмотрим его лишь на нескольких наиболее характерных примерах.

В каждом языке имеется лексика, обозначающая различные отношения между людьми – межличностные и институциональные (то есть реализующиеся в некоей иерархической социальной структуре – семье, производственной группе, спортивной команде, воинском подразделении и т.п.), а также отношения между личностью и обществом. Лексические значения таких слов содержат в себе указания на характер подобных отношений, которые в самом грубом виде можно разделить на отношения подчинения (или зависимости) и отношения равенства.

Рассмотрим это явление на двух группах примеров – предикатах, обозначающих **асимметричные** отношения, или отношения подчинения (зависимости):

(1) *арестовать*, *аудиенция*, *благоволить*, *велеть*, *верховодить*, *взыскание*, *властвовать*, *власть*, *вменить*, *возглавить*, *воспретить*, *выговор*, *выселить*, *выслать*, *гневаться*, *головомойка*, *даровать*, *диктат*, *диктатура*, *жучить*, *закатать* (под арест), *зыкнуть*, *изгнать*, *инспектировать*, *кара*, *карать*, *кассация*, *кассировать*, *командировать*, *командовать*, *коноводить*, *консультировать*, *контролировать*, *конфисковать*, *мирволить*, *надзирать*, *надлежать*, *назначить*, *нахлобучка*, *нотация*, *обязать*, *окрик*, *опека*, *опекать*, *отозвать* (посла), *отстранить* (от работы), *подчинить*, *позволить*, *покровительство*, *покровительствовать*, *помилование*, *помиловать*, *разрешить*, *распекать*, *ревизовать*, *руководить*, *сместить*, *сослать*, *тиранить*, *экзаменовать* и под.; Эти слова обозначают ситуации, в которых социальная роль первого участника (семантического субъекта, или агенса) "выше" социальной роли второго участника (адресата или контрагента); схематически: $P(X) > P(Y)$;

(2) *апеллировать*, *апелляция*, *вымолить*, *выплакать* (себе прощение), *выхлопотать*, *гневить*, *грубить*, *дерзить*, *докладывать* (в контекстах типа: *доложить по начальству*), *испросить*, *исхлопотать*, *консультироваться*, *молить*, *непочтение*, *ослушаться*, *отпроситься*, *повиновение*, *повиноваться*, *подпевала*, *подчиняться*, *прекословить*, *пререкаться*, *рапорт*, *рапортывать*, *резать* (правду в глаза), *слушаться*, *экзаменоваться* и под.; социальная роль первого участника ситуации "ниже" социальной роли второго; схематически: $P(X) < P(Y)$.

Значения слов, называющих асимметричные ролевые отношения, назовем социально ориентированными, в отличие от социально не ориентированных значений, присущих словам типа *дружить, напарник, однокурник, сослуживец, сосед, сотрудничать* и под. Социально не ориентированные значения не содержат в себе никаких указаний на равенство социальных ролей, которые исполняют участники ситуаций, обозначаемых словами с такими значениями; поэтому дальше они не рассматриваются.

Семантическая структура слов, обозначающих социально ориентированные отношения, содержит не менее двух актантов – субъекта и адресата; кто *командует* кем, кто *высылает* кого, кто *апеллирует* к кому, кто *выслуживается* перед кем и т.д. Помимо актантов субъекта и адресата в значениях этих слов могут быть и другие смысловые компоненты – например, актанты содержания (*Командир приказал нам наступать*), мотивировки (*Петю наказали за неуспеваемость*), начальной точки (*Их выселили из квартиры*), конечной точки (*Декабрист Лунин был выслан на каторгу*) и др.

Некоторые из слов, обозначающих социально ориентированные отношения, указывают на определенные социальные функции лиц, между которыми эти отношения устанавливаются. Так, командир *должен командовать*, солдат *должен подчиняться*, незрелый сын *обязан слушаться* родителей и не *должен их ослушиваться* и т.д. Компонент лексических значений глаголов *командовать, подчиняться, слушаться, ослушиваться*, указывающий на неравенство статусов участников соответствующей ситуации, здесь вполне очевиден, как бы лежит на поверхности. В других случаях такой компонент может быть выявлен только путем семантического анализа.

Так, глагол *благоволить* означает не просто ‘проявлять расположение к кому-н.’ или ‘испытывать, проявлять к кому-либо доброжелательство, расположение’, как истолковано это слово в словаре под ред. Д.Н. Ушакова и в Малом академическом словаре. В этих толкованиях упущено существенное условие: статус того, кто выказывает благоволение, выше статуса того, кому благоволение адресовано. Если этим условием пренебречь, то, следуя приведенным толкованиям, мы должны допустить к употреблению, в частности, фразы типа: **Учитель математики благоволит к своим коллегам* (ситуация равных статусов субъекта и адресата) или **Ученик благоволит к директору школы* (ситуация, “обратная” нормальной: статус объекта благоволения ниже статуса адресата).

В ситуации, описываемой глаголом *гневаться*, субъект мыслится как лицо почтенное, авторитетное, обладающее в данной социальной иерархии большой властью. Сравните:

И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные...

(М.Ю. Лермонтов).

Невозможно употребление глагола *гневаться* в ситуациях с равным и в особенности с “обратным” статусом субъекта и адресата: **Товарищи на меня гnevаются*; **Лакей разгневался на барина за выговор, который тот ему устроил*.

Рассмотрение этих двух явно устаревших глаголов – *благоволить* и *гневаться*, – может навести на мысль, что социальный компонент лексического значения, указывающий на неравенство статусов субъекта и адресата действия (или отношения), характерен лишь для книжных и устаревших слов. Но это не так.

Например, вполне современный и даже разговорный по своей стилистической окраске глагол *распекать* – *распечь* нормально употребляется при обозначении отношений, в которых субъект обладает более высоким статусом, чем адресат. Можно

сказать: *Мать распекала сына за двойки, но нельзя: *Сын-школьник распекал мать за то, что она поздно пришла с работы или *Подчиненные распекали начальника за грубость.*

Глагол *принимать* – *принять* в одном из своих значений описывает ситуацию, в которой принимающее лицо обладает более высоким статусом, чем принимаемое:

Вчера президент Франции принял посла США и имел с ним продолжительную беседу; Сегодня мэр не принимает посетителей.

Некорректно употребление этого глагола, если условие об асимметрии социальных статусов нарушено:

**Посол Франции принял президента США; *Директор завода не принял министра.*

Глаголы *грубить* и *дерзить*, близкие друг другу по смыслу, обозначают отношения, в которых субъект находится в более низком статусе, чем адресат. Правда, глагол *грубить* может предусматривать два типа статусных (или ролевых) отношений между участниками называемой им ситуации: чаще всего статус (роль) субъекта ниже статуса (роли) адресата, но возможно его употребление и в ситуации, когда их статусы (роли) равны. Сравните такие примеры:

Не груби отцу! (обращение к подростку);

Мальчик плохо учится, грубит учителям;

Мы с тобой друзья, а ты не хочешь говорить со мной нормально: все время лишьнешься, грубишь.

Если отношения между участниками ситуации таковы, что статус (роль) субъекта выше статуса (роли) адресата, то употребить этот глагол нельзя: **Отец грубит сыну; *Учитель грубит ученикам.* Заметим, что оборот *быть грубым*, который кажется полным синонимом глагола *грубить*, может употребляться при любых статусных (или ролевых) отношениях между субъектом и адресатом этого действия: *Мальчик груб с родителями и с товарищами; Учитель груб с учениками (со своими коллегами, с директором).*

Важным компонентом значения глагола *грубить* является то, что это – р е ч е в о е действие: грубость выражается в словах, в интонации, в сопровождающих речь жестах и т.п.

В отличие от этого, содержанием действия, обозначаемого глаголом *дерзить*, является не столько словесная грубость, сколько непочтительное отношение, которое может выражаться и невербально. Сравните такой пример: *Хотя молодой офицер говорил тихо и вежливо, все понимали, что он дерзит генералу.*

Глагол *дерзить* в большей степени, чем *грубить*, ориентирован на выражение асимметричных отношений между участниками обозначаемой им ситуации: дерзят обычно младшие по возрасту старшим (часто на это различие накладывается и разница в социальном статусе или в социальных ролях). Фразы типа: *Коля, почему ты дерзишь учительнице? Мальчик надерзил отцу и даже не извинился,* – нормальные, правильные, а фразы типа: **Учительница постоянно дерзила своим ученикам* (статус субъекта выше статуса адресата) или **Мальчик дерзит своим товарищам* (статусы субъекта и адресата равны) – воспринимаются как аномальные, неправильные.

На этих примерах мы убеждаемся, что при описании семантики (толковании) слов, обозначающих асимметричные отношения между людьми, необходимо включать в это описание социальный компонент, который указывает неравенство статусов (или асимметрию социальных ролей) участников называемой словом ситуации. Этот социальный компонент составляет п р е с у п п о з и ц и ю лексического значения предикатов, обозначающих асимметричные отношения между людьми: при употреблении таких предикатов с отрицанием не социальный компонент сохраняется (не подвергается отрицанию), в отличие от ассерции, с которой и взаимодействует отрицание. Например, в предложении: *Начальник вовсе и не благоволит к этой сотруднице* – не

отрицается тот факт, что статус начальника выше статуса сотрудницы, мы отрицаем лишь наличие особого отношения первой ко второй.

В заключение необходимо подчеркнуть, что исследование социальных различий в речи и, в частности, социальной маркированности языковых единиц важно не только само по себе (это делалось и раньше: см., например, работы В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачева, В.Д. Бондалетова и др.), но и как свидетельство многообразия тех форм, в которых проявляет себя социальное на различных уровнях языковой структуры. Изучение этих форм, анализ природы и характера социальной обусловленности как самих языковых единиц, так и использования их в речи говорящими – одна из актуальных задач того направления, которое может быть названо исследованием русского языка под социальным углом зрения, или *социорусистикой*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Н.Д., Замбрыцкий В.Л. 1963 – Именное словообразование в спортивной терминологии // Развитие современного русского языка / Под ред. С.И. Ожегова. М.В. Панова. М., 1963.
- Балдаев Д.С. и др. 1992 – Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
- Винокур Г.О. 1939 – О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. Т. 5: Сб. статей по языкознанию. М., 1939.
- Винокур Г.О. 1946 – Заметки по русскому словообразованию // Изв. ИАН ОЛЯ. Т. V. Вып. 4. М., 1946.
- Воронцова В.Л. 1979 – Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
- Ганиев Ж.В. 1971 – О произношении рабочих – уроженцев г. Москвы // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М., 1971.
- Гловинская М.Я. 1996 – Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.
- Григорьева Т.М. 1980 – О социолингвистической обусловленности произносительной нормы в условиях диалектного окружения (На материале ассимилятивного смягчения согласных в современном русском литературном языке). Автореф. канд. дис. ... М., 1980.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. 1999 – Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- Еськова Н.А. 1994 – Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994.
- Золотова Г.А. 1966 – К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительными в творительном падеже с предлогом *с*) // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.
- Золотова Г.А. 1974 – О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г.А. Золотова. М., 1974.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. 1998 – Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иомдин Л.Л. 1991 – Словарная статья предлога *ПО* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Касаткин Л.Л. 1971 – Новая ступень в развитии системы гласных русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М., 1971.
- Костомаров В.Г., Леонтьев А.А. – Некоторые актуальные проблемы культуры речи // ВЯ. 1966. № 5.
- Краснова И.Е., Марченко А.Н. 1981 – О некоторых проблемах профессиональной речи в социолингвистическом освещении // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Крысин Л.П. 1983 – Социальный компонент в значении языковых единиц // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 6. Wien, 1983.
- Крысин Л.П. 1986 – Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.

- Крысин Л.П.* 1989 – Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Орфоэпический словарь 1989 – Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1989. Изд. 5-е.
- Панов М.В.* 1967 – Русская фонетика. М., 1967.
- Рожанский Ф.И.* 1992 – Сленг хиппи. Материалы к словарю. СПб.; Париж, 1992.
- РЯДМО 1974 – Русский язык по данным массового обследования / Под ред. Л.П. Крысина. М., 1974.
- РЯиСО 1968 – Русский язык и советское общество. Кн. 1–4 / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
- Сергеев П.* 1960 – Искусство речи на суде. М., 1960.
- Социально-лингвистические исследования 1976 / Под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева. М., 1976.
- Ушаков Д.Н.* 1928 – Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь. Вып. III. Л., 1928.
- Чуковская Л.* 1996 – Куоккала – Переделкино // Русское подвижничество. Сб. в честь 90-летия академика Д.С. Лихачева. М., 1996.
- Шведова Н.Ю.* 1966 – Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.
- Юганов И., Юганова Ф.* 1997 – Словарь русского сленга. М., 1997.